

«Тысячелетие? Нет, одно поколение!»

...Хлопковая плантация в южном штате Америки. Нестерпим зной в полуденную пору, но неумолим и надсмотрщик. Минута отдыха — вылет из грошевого дневного заработка. Волоча мешки, зажатые в коленях, не разгибаясь, идут в рядке негры-сборщики. Лишь изредка хриплый призыв нарушит тишину: «Водонос!» Куда же запропастился этот мальчишка?..

Каждый раз, когда заневает Робсон песню о мальчике-водоносе, когда только начинается ее с низкого, хриплого выдоха, в котором сразу — вся усталость, все проклятье бесконечного дня, каждый раз возникает перед вами эта картина.

И понятной, и удивительно трогательной была радость, которую испытал знаменитый негритянский певец, когда развернулись перед ним картины иных хлопковых полей, счастливого труда — картины из песни наших советских будней. Вся дорога до «Шарк юлдузи». Поль Робсон сидел рядом с шофером, низко опустив боковое стекло, подставляя ветру ярко-красный платок.

Конечно же, радость певца находила отклик. Вот опередила машина стайку мальчишек, озорно приплясывавших у обочины, и стоило видеть их широкие беззубые улыбки: Поль махнул им своим маленьким знаменем...

— Добро пожаловать! Здравствуй-те, дорогой друг!

Нелегко разобраться в разноголосом шуме встречи, если к тому же грянули дойры и рубабы. «Лейтмотив», впрочем, уловить нетрудно. Да, все мы счастливы принимать, привечать у себя такого большого, искреннего и неизменного друга.

Председатель сельхозартели, трижды Герой Социалистического Труда Хамракул Турсункулов рассказывает Робсону и его жене Эсланде о руководимом им хозяйстве. Вот она — песня советских будней! Вот она — была, превратившая песчаные бугры Шуралисая в цветущий сад счастья!

Живое, доброе лицо Поля Робсона отражает любое движение его сердца. Вот чуть сдвинулись его брови, тяжело дрогнули уголки губ.

— О! Я знаю, я очень хорошо знаю, каким тяжелым может быть

Поль Робсон в колхозе «Шарк юлдузи»

труд хлопкороба. Да ведь и мои родственники, братья, мой отец работали на плантациях. Я знаю, как за долги, за скудную пищу забирается все, что заработано. Я и сам подростком работал на чужой ферме. А то, что я вижу, слышу здесь, — совсем, совсем другая жизнь.

Всем интересуется Робсон. И детскими яслями, и колхозным доходом, и школьной детворой, что льнет к нему, едва доставая до колен. И весело удивляется самовару в двадцать пять литров емкости: — Хо-ороший самовар!

Сердечность и тепло воцаряются сразу — о таких простых, близких вещах говорят гости и хозяева — труд, мир, песня. Вот Эсланда Робсон обращается к бригадире Мамадали Камалову, кивая на его орден:

— За войну?

— Нет, за труд, за хлопок.

— О, это лучше! Пусть бы впредь все награды были только за труд.

И интересуется урожаями бригады, спрашивает, сколько детей у Мамадали («Пятеро? Ботатая жизнь! Очень хорошо»).

Снова вступили дойры и рубабы. Перед гостями танцуют и поют участники колхозной самодеятельности. Робсон подпевает им, а догадливая танцовщица уже приглашает его на круг. Он поднимается, улыбаясь чуть растерянно, но тут же выплывает, входит в танец, чутко уловив ритм, — так же просто, как мы, скажем, вошли бы в свою комнату.

— Большое спасибо, — говорит Робсон, пожимая руки Алаймхон Кадыровой, Рано Ахмедовой, десятилетнему Иргашу Азимову — всем актерам этого маленького концерта. — Мне очень приятно быть с коллегами, артистами. Еще в 1937 году в Москве я слышал узбекскую музыку, видел выступления ваших артистов. Это очень красивая музыка, большое искусство.

Он стоит перед микрофоном, поставив ладонь к уху, — такой знакомый жест! — поет испанскую, японскую, негритянскую песню.

— Музыка! Она очень похожа во всех странах, как похожи и народы. Вот почему я чувствую себя здесь, как дома.

Но снова встает перед глазами певца судьба его народа. И он говорит о том, как рад видеть совсем другую, новую жизнь в колхозе «Шарк юлдузи».

— Многие, многие на Западе говорят: африканские народы, азиатские народы — тысячу лет надо им, чтобы достичь цивилизации европейцев. Я — в колхозе «Шарк юлдузи». Сколько лет потребовалось его жителям, чтобы построить такую жизнь? Тысячелетие? Нет, одно поколение!

Буря аплодисментов покрывает слова певца. А он весь еще во власти этой мысли, которая дорога ему, которая — свидетельство огромных возможностей каждого народа.

— Да, одно поколение! — с силой повторяет Робсон. — И я благодарю вас, колхозников, жителей Ташкента, Узбекистана, благодарю не от себя лично, а от имени всего моего народа, благодарю за то, что на земле есть такая страна, как Советский Союз.

...Что ж, пожалуй, слишком быстро пролетели эти часы. Но Робсон говорит, что не раз и не два еще будет в нашей стране, будет у колхозников «Шарк юлдузи». И только разве на этом условии его соглашаются отпустить. Снова льнут к его коленям дети. Эсланда Робсон достает из сумочки фотографии своих внуков — Дэвида и Сузи. Девчушка, у которой Поль в шутку попросил «отдать немножко косы», быстрым жестом прижимает к губам эту фотокарточку.

А. ЕГОРОВ.
(Спец. корр. «Правды Востока»).

На снимке: поэт Поль Робсон.
Фото А. Палехова.